

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Hugo
NOTRE-DAME DE PARIS

Перевод с французского *Н. Коган*
Вступительная статья *В. Татаринова*
Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Библиотека всемирной литературы»
В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ
художников *Джулиано Бартоломео* и *Мишеля Алфи*

Серия «Зарубежная классика»
В оформлении обложки использованы фрагменты работ художников
Алоиса Ганса Шрама, *Эжена Гальен-Лалу* и *Антуана Вифцца*

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Гюго, Виктор.

Г99 Собор Парижской Богоматери : роман / Виктор
Гюго ; [пер. с фр. Н.А. Коган]. – Москва : Издательство
«Э», 2017. – 592 с.

ISBN 978-5-699-26441-4 (Библиотека всемирной литературы)
ISBN 978-5-699-96491-8 (Зарубежная классика)
ISBN 978-5-699-96492-5 (Всемирная литература)
ISBN 978-5-699-87803-1 (100 главных книг)

Классик мировой литературы Виктор Гюго прожил долгую жизнь и оставил богатое литературное наследие: стихотворения, пьесы, статьи, но мировую известность Гюго принесли романы.

В «Соборе Парижской Богоматери» средневековая Франция – это исторический фон, на котором разворачивается любовная драма между красавицей цыганкой Эсмеральдой и звонарем собора – горбуном Квазимодо. Любовь преобразила внешне уродливого Квазимодо. Он обрел смелость, чтобы спасти от смерти любимую...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-26441-4
ISBN 978-5-699-96491-8
ISBN 978-5-699-96492-5
ISBN 978-5-699-87803-1

© В. Татаринов, вступительная статья, 2017
© Н. Коган, перевод на русский язык. Наследники, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Содержание

Вдохновленный творец и обольститель

В. Татаринов

7

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

перевод Н.Коган

КНИГА ПЕРВАЯ

25

КНИГА ВТОРАЯ

79

КНИГА ТРЕТЬЯ

134

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

172

КНИГА ПЯТАЯ

201

КНИГА ШЕСТАЯ

231

КНИГА СЕДЬМАЯ

282

КНИГА ВОСЬМАЯ

355

5

КНИГА ДЕВЯТАЯ

413

КНИГА ДЕСЯТАЯ

449

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

53¹

ПРИМЕЧАНИЯ

579

ВДОХНОВЛЕННЫЙ ТВОРЕЦ И ОБОЛЬСТИТЕЛЬ

Я спросил ее: “Вы замужем?”

*Она ответила с видом настоящей парижанки:
“Помилуйте, сударь!”*

Виктор Гюго.

*Из записной книжки.
(8 августа 1869 г.)*

Здравствуй, мой дорогой возлюбленный, здравствуй, мой великий поэт, здравствуй, мой бог! Какой нынче чудесный день, озаренный солнцем и любовью, вполне достойный чести напомнить людям о дне твоего рождения... Мой Тот, люблю тебя! Сколько счастья ты дал мне нынче ночью; я бы ни о чем не жалела, ничего бы на свете не желала, если б оно длилось всю мою жизнь...”

Эти радостные и искренние строки посвятила своему возлюбленному Жюльетта Друэ, но они могли принадлежать и одной из ее многочисленных соперниц, открывших для себя этого необыкновенного мужчину. Он был гениальным поэтом, драматургом, писателем, но кроме того, обладал редкой способностью до глубокой старости очаровывать женские сердца, вызывая именно такую любовь, — жертвенную и всепоглощающую. Вся зрелая жизнь этого человека представляла собой сложное переплетение любовных побед и творческих взлетов — одно было неотделимо от другого. Звали его Виктор Гюго.

1829 год стал в жизни Виктора Гюго своего рода рубежом, отделившим счастливую и беззаботную юность от бурной, полной страстей и испытаний зрелости.

Вот уже семь лет он был счастливо женат на Адель Фуке, де-вушке, в которую влюбился еще в детстве. Их целомудренное и романтическое чувство выдержало испытание временем и запреты родителей. Адель подарила ему дочь Леопольдину и двух сыновей — Шарля и Виктора-Франсуа.

И сам Виктор, и окружающие все отчетливее сознавали его главой романтического направления во французской литературе. Гений Гюго очаровывал и увлекал за собой все новых приверженцев. Одним из них стал молодой и талантливый критик журнала “Глоб” Сент-Бев. Постепенно новые мощные образы, сюжеты и краски, которые вносил в литературу Гюго, привлекли в “отряд романтиков” не только писателей, но и скульпторов и художников — Эжена Делакруа, Поля Пуэ, Луи Буланже. Семья Гюго считалась в этом кругу образцовой: спокойное жилище, где быт размерен и подчинен труду, а все вокруг осенено красотой и ласковым светом материнства госпожи Гюго. Именно тогда супругов Гюго стали называть “святым семейством”.

В 1829 году Виктор Гюго твердо вознамерился покорить своими пьесами сцену. Во-первых, в случае успеха это был самый надежный путь к материальной стабильности, а во-вторых, ему хотелось познакомить зрителей с новой романтической драмой, какой она представлялась ему самому. Первую пьесу Гюго “Марьон Делорм” королевская цензура запретила, вторую — “Эрнани” — не без сопротивления, но разрешили к постановке во Французском театре.

Поглощенный театральными репетициями, околосценическими интригами, литературной борьбой, Гюго почти перестал бывать дома. И совершенно напрасно — свято место пусто не бывает. По правде говоря, недоразумения между супругами накапливались давно: в Викторе постепенно пробудился вкус к чувственным наслаждениям, унаследованный им от темпераментного отца. Адель, получившая строгое воспитание, была более сдержанной; возросшие аппетиты мужа временами просто путали ее. Хладнокровной и мечтательной натуре этой женщины куда больше пришлось бы по душе сдержанные и утонченные разговоры с умным собеседником, неспешные прогулки на лоне природы. Так ее наперстником стал

некрасивый, но душевный Сент-Бев, который все больше влюблялся в ослепительную 25-летнюю красавицу, попутно умиляясь чистотой и платонизму собственных намерений.

Незадолго до премьеры “Эрнани” все изменилось. Подготовка к ней велась по всем правилам военной науки — боевые отряды сторонников вербовались друзьями Виктора Гюго, мобилизованный получал квадратик красной бумаги с таинственной надписью: “Hierro, despírtate!” (“Шпага, пробудись!”). Квартира Гюго превратилась в штаб подготовки к сражению. Адель закружилась в вихре событий, и теперь Сент-Бев мог лишь с сожалением вспоминать о драгоценных минутах их уединения и задушевных бесед. Его охватили тоска и раздражение, и накануне премьеры Гюго получил от него письмо, полное упреков, очень походившее на взрыв ревности со стороны оскорбленного любовника. Гюго, прекрасно оценивший ситуацию, стерпел эту выходку: премьера “Эрнани” для него значила слишком много и он не решился рисковать расколом в рядах своих сторонников и потерей столь влиятельного союзника. Два бывших соратника продолжали работать бок о бок.

Настал день премьеры, — 25 февраля 1830 года. Предводитель отряда краснобилетников, молодой Теофиль Гютье, явился в театр в ставшем знаменитым розовом камзоле, панталонах цвета морской волны и фраке с черными бархатными отворотами. Романтики приводили почтенную публику в ужас своими гривами, а молодые, глядя на классицистов, разместившихся на балконе, вопили: “Лысых долой! На гильотину!”

Спектакль завершился настоящим триумфом. Сборы превысили все ожидания. “Эрнани” освободила супругов Гюго от финансовых затруднений. Они переменили квартиру и теперь жили в районе Елисейских полей — и район получше, и от Сент-Бева подальше. В июле 1830 Адель Гюго родила еще одну дочь, которую назвали Адель в честь матери.

В январе 1831 года Гюго завершил работу над романом “Собор Парижской Богоматери”. Присущая ему способность вдохнуть удивительную жизнь в самый заурядный предмет проявилась в этом романе с особым блеском, оказав существенное влияние на французскую культуру и архитектуру. До романа Гюго строения, возведенные до эпохи Возрождения, считались варварскими. После этого произведения в художественных вкусах Франции про-

изошел настоящий переворот — эти строения стали почитать как каменные Библии, появился даже Комитет по изучению исторических памятников.

На фоне феерических творческих успехов личная жизнь Гюго выглядела откровенно мрачно. Столкнувшись с тем печальным фактом, что Адель разлюбила его, а лучший друг не преминул воспользоваться ситуацией, Виктор Гюго не придумал ничего лучшего, как устроить сцену из возвышенной романтической драмы. Он предложил Сент-Беву предоставить Адели совершить выбор между ними двумя. Искренний великодушный порыв не был понят ни Сент-Бевом, ни Адель, которую Виктор поставил в известность о разговоре. Сент-Бев едва зарабатывал на жизнь, а у Адель было четверо детей от Виктора, который почему-то из благородства был готов отказаться от собственной семьи.

Разумеется, это половинчатое объяснение ни к чему не привело, — как и все последующие. Сент-Бев то принимался рассказывать всем и каждому о своей несчастной любви к Адель, страдающей от ревнивого и похотливого мужа, то мирился с Гюго, лицемерно утешал его в супружеских несчастьях и встречался потихоньку с Адель, называвшей его “мой дорогой ангел”. Гюго дал выход своим печалам в новом сборнике поэтических шедевров “Осенние листья” (1831). На дарственном экземпляре, предназначенном Сент-Беву, он сделал надпись: “Верному и доброму другу, несмотря на дни молчания, которые, подобно непреодолимым рекам, разделяют нас”.

“Друг” Сент-Бев не был исключением среди окружавших Гюго в те годы. Правда, эти люди не помогали его жене, но успех Виктора давно перешел границы, которые согласно терпеть “дружеское” участие. Сам Гюго тоже не страдал излишней скромностью — наоборот, он считал, что выдающихся личностей (таких, как он сам) следует оценивать и судить совсем по иным меркам, чем окружающих. Это многим не нравилось, и в начале 30-х годов Гюго вполне ощутил горький привкус одиночества и непонимания близких — вечный результат успеха и чрезмерной поглощенности делами.

В этом угнетенном состоянии духа он и познакомился с одной из самых блестящих красавиц Парижа — высокой, черноокой, пленительной и сверкающей драгоценностями Жюльеттой

Друэ. Ей было двадцать шесть лет, и она получила воспитание в монастыре. Поразительная красота и стройность фигуры привели ее в мастерскую скульптора Джеймса Прадье, который обеспечил ее дочкой Клер, а затем неглупыми советами по части того, как завоевывать и удерживать при себе богатых поклонников. Среди ее любовников числился богатый сумасброд Анатолий Демидов, обставивший для нее великолепные апартаменты. Однако, хотя она вела жизнь куртизанки, в душе Жюльетты жила мечта о настоящей любви, о спокойном, ровном счастье с чистым и честным человеком. Они с Виктором Гюго были словно созданы друг для друга — каждый увидел в другом существо, потерпевшее крушение и нуждающееся в теплоте и участии.

Любовь Жюльетты, прекрасной, как принцесса из сказки, преобразила Гюго — он вновь обрел силы жить и творить. Она, в отличие от Адель, горячо любила его стихи и благоговейно хранила все рукописи и черновики. Адель предпочла выступить ангелом всепрощения — в конце концов, у нее ведь тоже было с кем отвести душу.

Отношения Жюльетты и Виктора с самого начала были отмечены печатью неравенства: она его почти боготворила, он же занимался возвращением ее на путь истинный как чистой, но основательно заблудшей души. Следуя во всем указаниям своего обожаемого повелителя, Жюльетта вскоре разорилась: ее счета оплачивали только богатые “покровители”. Всюду обнаружили долги, и она стала объектом травли со стороны кредиторов. Виктор Гюго заставил ее принять совершенно монашеский образ жизни: Жюльетта не выходила без него на улицу, отказалась от всякого кокетства и роскоши, скудно питалась и одевалась исключительно переделывая свои старые наряды — “туалет ничего не прибавляет к природной прелести хорошенькой женщины”.

Затворница и рабыня с радостью принимала эту кару за прошлую разгульную жизнь: “Если бы счастье покупалось ценою жизни, я бы уже давно всю ее истратила...”. Наградой ей служили совместные путешествия с Виктором, которые они предпринимали каждое лето: Адель не была поклонницей активного отдыха, да и принимать Сент-Бева в отсутствие мужа было намного удобнее.

Новый сборник стихов Гюго “Песни сумерек” (1835) главным образом воспевал духовный и плотский брак поэта с Жюльеттой

Друз. Он вновь обрел опору в жизни и устремился к новым завоеваниям — его влекла карьера общественного деятеля, “вожака душ”. Изредка отвлекаясь на решительные объяснения и полные разрывы отношений с Сент-Бевом — надо сказать, бывший друг и собрат по перу временами бывал просто несносен, — Гюго повел планомерный штурм французской Академии. Он сблизился с семьей наследника престола, получил орден Почетного легиона первой степени. Только на выборах в Академию его регулярно “прокатывали” — это было заведение глубоко консервативное, жившее своими внутренними интересами.

Одним из наиболее активных противников избрания Гюго был престарелый Непомюсен Лемерсье. Как-то после голосования Александр Дюма пригрозил ему: “Господин Лемерсье, вы отказались отдать свой голос Виктору Гюго, но уж свое место вам рано или поздно придется ему отдать”. Вышло по сказанному — в 1840 году Лемерсье умер, а в 1841 на выборах академика на освободившееся место Гюго одержал победу над третьеразрядным драматургом семнадцатью голосами против пятнадцати. Еще спустя четыре года он был возведен королем в пары Франции, а в своих мечтах он уносился еще дальше, еще выше...

В феврале 1843 года вышла замуж старшая дочь Гюго Леопольдина. Поэт с грустью расставался с ней — с детских лет она была его любимицей, а затем и одним из немногих настоящих друзей. Рок уже караулил бедную девушку: в начале сентября яхта, на которой она находилась, дала крен и опрокинулась. Ее муж Шарль Вакери был превосходным пловцом и долго бился в волнах, пытаясь спасти жену, а когда понял тщетность своих попыток, решил утонуть вместе с ней. Их похоронили в одном гробу, на маленьком семейном кладбище у часовни.

Эта трагедия оставила тяжелый след в душе Виктора Гюго, который более чем когда-либо испытывал потребность дать волю обуревавшим его страстям. Жюльетта Друэ, верная возлюбленная, смелая путешественница, неутомимая переписчица и искренняя почитательница его поэзии, уже давно не удовлетворяла Виктора. Создалась уникальная ситуация: Жюльетта по-прежнему должна была жить затворницей (самостоятельные прогулки Виктор позволил ей не раньше 1845 года), а вот ее обожаемый возлюбленный в полной мере наслаждался радостями бытия — пра-

вила создаются не для гениев, у них даже недостатки являются достоинствами.

Он стал щеголем: будущий государственный деятель должен был иметь внушительный вид. В кабинет мэтра в роскошной квартире на Королевской улице вел отдельный ход, а в самом кабинете имелся мягкий диван, столь удобный для душевных бесед. Жюльетта неоднократно пользовалась этой возможностью тайно навещать дорогого Виктора, но она отнюдь не была единственной! Актрисы, дебютантки, горничные, авантюристки, куртизанки — многие женщины испытывали все средства обольщения на этом мужчине, который и не думал противиться соблазну.

Некоторым из этих мимолетных увлечений суждено было оставить о себе яркие воспоминания. В начале 1843 года дамой его сердца стала молодая блондинка с томным взглядом. Звали ее Леони д'Онэ, и она была замужем за посредственным художником Франсуа-Огюстом Биаром. Недостаток таланта не означает отсутствия наблюдательности и решительности: в июле 1845 года Биар захватил с собой полицию и накрыл на горячем в укромной квартирке свою непутевую женушку и ее титулованного любовника. Виктор Гюго воспользовался законом о неприкосновенности пэра Франции и ускользнул от лап закона, а вот Леони отправилась на некоторое время в тюрьму Сен-Лазар.

Замять скверную историю Гюго помогал сам король Луи-Филипп. В итоге Гюго на некоторое время исчез, укрывшись на квартире у Жюльетты, — бедная затворница и не подозревала об истинной подоплеке своего нечаянного счастья. Леони на несколько месяцев водворили в монастырь августинок. Вскоре все забылось. Как заметил по этому поводу Ламартин: «Франция — страна гибкая. В ней быстро поднимаются даже с дивана».

Подтверждением этого циничного вывода стал хотя бы союз Адели Гюго и Леони. Жена поэта, выслушав его очередное покаяние, навестила «бедную узницу» уже в тюрьме, а затем стала ей покровительствовать и регулярно приглашать к себе на Королевскую улицу. Леони блистала в салоне мадам Гюго и заодно просвещала хозяйку по части последних ухищрений парижской моды. На обочине светской жизни по-прежнему оставалась лишь бедняжка Жюльетта, которую преследовали несчастья. В 1846 году умерла ее дочь Клер. Виктор Гюго, который фактически удочерил девушку, тоже тяжело пережил эту трагедию.

Правда, ему утешиться было гораздо легче. Год спустя среди его побед значилась подружка его сына, толстяка Шарля, Алиса Ози. Этой красивой и легкомысленной особе исполнился двадцать один год, и она по праву пользовалась титулом самой стройной женщины Парижа. Как-то Гюго навестил ее в одну из мятежных февральских ночей 1848 года. В Париже шла очередная революция, а божественная Алиса коротала время в обществе своего любовника художника Шассерио. Она была в настроении, а потому присутствие воздыхателя не помешало ей сначала приоткрыть корсаж и показать Гюго “очаровательную грудь, прекрасную грудь, какую воспевают поэты и покупают банкиры”. Затем она уперлась каблучком в стол и подняла платье так, что стала видна “прелестнейшая в мире ножка в прозрачном шелковом чулке”. Шассерио чуть не упал в обморок.

Вскоре наступивший сезон общественных бурь полностью поглотил внимание и энергию поэта. Вначале он колебался между симпатиями к монархии и республике, а затем неожиданно горячо поддержал кандидатуру выдвинутого в президенты Луи-Наполеона. Вскоре пронырливый авантюрист, в котором не было и капли крови Бонапартов, стал президентом Франции, однако союз благородного правдолюбца-романтика и прохиндея, метившего в императоры, не мог быть прочным, и уже через год Гюго перешел в страстную оппозицию к Луи-Наполеону.

Впрочем, у него хватало проблем и помимо политических сражений. Жизнь на три дома — сама по себе вещь довольно утомительная, а тут еще истеричка Леони нарушила хрупкую тройственную идиллию: в июне 1851 года Жюльетта получила по почте пухлый пакет, содержащий письма Гюго к Леони. В короткой записке Леони советовала сопернице внимательно ознакомиться с содержимым и сделать правильные выводы, то есть убраться подальше. Горе Жюльетты было неопишесым: в течение семи лет Виктор предавал ее любовь, да еще и пользовался при этом почти теми же выражениями страсти, как в письмах к ней самой!

Когда Жюльетта после печальных размышлений заговорила о разрыве, Гюго, как и многие мужчины в подобной ситуации, попросил пожалеть его. Он ссылся на бессонницу, на болезнь горла, на проблемы с сыновьями, наконец, на таинственное и роман-

тическое право поэта на страсть... В итоге все закончилось испытательным сроком в четыре месяца, в течение которых Виктор должен был сделать свой выбор. Его “испытание” проходило почти сладостно: по утрам он работал у себя в кабинете, а Жюльетта у себя дома переписывала его рукописи, затем в сопровождении Жюльетты он отправлялся по делам. Обедал Виктор в кругу семьи, и вечер проводил с Леони, о чем на следующий день он с обидным оживлением рассказывал верной Жюльетте.

Идиллия закончилась внезапно. Луи-Бонапарт, который не имел шансов пролезть в президенты на второй срок, устроил государственный переворот и стал императором Наполеоном III. Париж ответил баррикадами и уличными боями. Гюго находился в гуще восстания и мог быть не раз убит, если бы не ангел-хранитель в лице Жюльетты. Благодаря ее усилиям Гюго уцелел, а затем бежал из страны по подложному паспорту одного из ее друзей. Начался период многолетней эмиграции, которая стала для Виктора Гюго спасительной, не дав ему окончательно увязнуть в трясине разврата, тщеславия и политических интриг.

Сначала он поселился в Брюсселе, а затем жил на островах Джерси и Гернси, принадлежавших Британии. Жюльетта была вынуждена вновь отойти в тень — героическим изгнанникам не подобало возить за собой любовниц. С другой стороны, Леони получила решительную отставку: ей даже не позволили выехать из Франции и присоединиться к изгнанникам.

Благоразумно распродав свое имущество во Франции и переправив семью на Джерси, Гюго издал короткий и блестящий памфлет “Наполеон Малый”. Издание осуществлялось и распространялось нелегально, но популярность его во Франции была огромной. Это придало Гюго сил и уверенности в правоте избранного им пути. Он не пошел ни на какие компромиссы с установившимся режимом и год за годом отвергал все предложения об амнистии и возвращении на родину при Луи-Наполеоне.

Вновь став самим собой, Гюго с увлечением отдался творческому труду. Никогда он не писал так легко, так свободно, так пламенно. В 1856 году во Франции вышел новый сборник стихов опального поэта — “Созерцания”. Успех превзошел все ожидания. За гонорар от “Созерцаний” Гюго построил дом — “Отвиль-хауз”, ставшим его жилищем и рабочим кабинетом на долгие годы.

К концу 1850-х годов сначала мать и дочь, а затем и сыновья под разными предлогами уехали в Англию, а затем во Францию. Они не хотели оставлять отца в одиночестве, но нуждались в длительных передышках.

Для Адель второй изгнание обернулось трагедией. Она безответно влюбилась в молодого английского офицера Пинсона и, сбежав из дому, пыталась следовать за ним по всем местам его службы. В конце концов она сошла с ума и была вынуждена провести остаток дней в психиатрической клинике.

На творческую плодовитость Гюго эти события не оказали никакого влияния. В 1862 году был напечатан роман “Отверженные”, имевший феноменальный успех у публики, в 1864 — книга о Шекспире, а в 1865 — сборник стихов “Песни улиц и лесов”, который критика назвала “самым прекрасным образцом чувственной поэзии во французском языке”. Еще через год увидел свет роман “Труженики моря”, материалом для которого во многом послужили впечатления о жизни на Гернси. Это произведение ввело во Франции моду на спрутов — модистки предлагали фасон шляпы “спрут”, рестораторы — блюдо “спрут по-коммерчески”, а любители живой природы могли полюбоваться на живого обитателя глубин в аквариуме на Елисейских полях.

В 1868 году умерла Адель, жена Виктора Гюго. Это произошло в Бельгии. Изгнанник Виктор не мог присутствовать на похоронах и проводил гроб только до французской границы. Поэт наконец-то стал свободен, но Жюльетта, давно привыкшая довольствоваться малым, даже и не помышляла о том, чтобы женить на себе вдовца.

Через два года между Францией и Германией вспыхнула война, которая быстро закончилась полным поражением французов. Император капитулировал, и уже на следующий день была провозглашена республика. Девятнадцатилетнее изгнание Гюго закончилось.

Несмотря на удары судьбы и уже далеко не юный возраст, Гюго, казалось, оставался все тем же: из-под его пера выходил один шедевр за другим, он не запыхавшись поднимался на четвертый этаж, обладал зрением, как у юноши, и не знал, что такое зубная боль. И, разумеется, от него по-прежнему не было прохода женщинам, особенно брюнеткам.

Пока он жил в Люксембурге, список его побед пополнила восемнадцатилетняя горничная Мари Мерсье — круглолицая, черноволосая, обладавшая очаровательными пухлыми губками. Она и тридцать лет спустя признавалась, что лишь один Виктор умел так обворожить женщину. Повинуясь ему, она ходила с ним на длительные прогулки по горам, купалась обнаженной в местной речке Ур. Записные книжки лета-осени 1871 года пестрят упоминаниями о встречах с Мари. Правда, все записи сделаны на испанском языке — так Виктор пытался сохранить свои тайны от ревливой и бдительной Жюльетты.

В парижском театре “Одеон” была возобновлена постановка пьесы Гюго “Рюи Блаз”. На роль королевы назначили Сару Бернар — молодую девушку, стройную, гибкую, с огромными глазами и бархатным голосом. Вначале она почти отказывалась сотрудничать с защитником коммунаров Гюго, но... он укрощал и не таких строптивых. Познакомившись с ним поближе, Сара безумно увлеклась им, а записная книжка Гюго снова запестрела записями на испанском языке. Вскоре на обороте некоторых страниц появились фотографии других поклонниц, актрис, писательниц, светских дам, часто дополненные засушенными цветами.

Первенство среди них принадлежало, безусловно, Жюдит Готье, удивительно красивой брюнетке: “Чуть розоватый цвет лица, большие глаза с длинными ресницами придавали этому задумчивому и как будто дремотному существу неизъяснимую, таинственную прелесть женщины-сфинкса”. Ей было двадцать два, ему — ровно на пятьдесят лет больше.

Окончание работы над романом “Девяносто третий год” потребовало возвращения на Гернси — в Париже было слишком трудно сосредоточиться на работе. Однако от себя убежать нельзя: Жюльетта неосторожно взяла в дом очаровательную двадцатидвухлетнюю белошвейку Бланш. Смуглая, с печальным взором, стройная и грациозная Бланш уступила лишь после нескольких месяцев борьбы и подарила поэту почти такое же счастье, как некогда Жюльетта. Последняя, кстати, и положила конец идиллии, заставив Виктора отправить Бланш в Париж. Впрочем, эта разлука продлилась недолго.

В Париже Гюго ждал новый удар — в декабре 1873 года умер его последний сын Франсуа-Виктор. (Шарль скончался двумя го-

дами раньше.) Судьба поэта словно намеренно посылала ему по очереди то милости, то испытания.

В 1877 году Гюго вновь поразил своих читателей, выпустив сборник стихов “Искусство быть дедом”. Утратив всех своих детей, он особенно привязался к внукам — Жоржу и Жанне. Первое издание сборника было распродано за несколько дней, за ним сразу последовал ряд переизданий. Внуки Гюго стали легендарными детьми: Париж восхищался ими, как Лондон своими наследными принцами.

И все-таки даже здоровье Гюго начало слабеть. Этим воспользовались домашние, которых давно коробили похождения патриарха. Первым делом удалили Бланш — ее запугали тем, что она убьет старика, если не расстанется с ним, и дали денег на покупку книжной лавки.

В 1881 году Гюго пошел восьмидесятый год. Его день рождения был отмечен как национальный праздник. Целый день мимо окон Гюго шли вереницей шестьсот тысяч почитателей его таланта, от имени правительства его приезжал поздравлять премьер-министр; во всех лицеях и школах в этот день были отменены наказания провинившимся ученикам.

В мае 1883 года Гюго навсегда покинула верная Жюльетта. Незадолго до этого они отметили с Виктором “золотую свадьбу” их любви. Если его чувственное влечение к ней давно угасло, то привязанность не ослабевала до последнего дня. Многие стихи Гюго, посвященные Жюльетте, обессмертили эту выдающуюся женщину и ее любовь.

Виктор Гюго оставался самим собой до самой смерти. В его записной книжке за 1885 год еще отмечено восемь любовных свиданий, последнее из которых состоялось в начале апреля. 18 мая он заболел воспалением легких, которое оказалось для него роковым. Через четыре дня его не стало.

Франция воздала своему великому сыну королевские почести. Для прощания тело Гюго было выставлено под Триумфальной аркой. Высоко поднятый гроб озаряли зеленоватые огни светильников. Конные кирасиры с факелами в руках сдерживали людское море, двенадцать молодых французских поэтов составляли почетный караул. На следующий день он был похоронен в Пантеоне.